

ТЕРРОР

В истории опричнины настала кровавая пора, о которой сохранилось мало достоверных сведений. Историки вынуждены обращаться к крайне тенденциозным мемуарам и запискам иностранцев о России. Самые осведомленные из этих авторов служили в опричнине, потом бежали за рубеж. Там они старались привлечь к себе внимание обширными проектами сокрушения «варварской Московии» и ледящими душу рассказами о злодеяниях московского тирана. Скудость русских источников затрудняет критику баснословий иностранцев.

Изучение опричного террора затруднено и полной гибелью опричных архивов. Следы этих архивов, однако, можно обнаружить в некоторых документах тех лет, в частности, в одном из самых загадочных источников XVI в. — Синодике, или поминальном списке опальных Ивана Грозного.

История составления Синодика вкратце такова. Незадолго до смерти царь велел монахам молиться «во веки веков» за всех казненных им людей. «Прощения» заслужили «изменники», самое имя которых было предано забвению и десятки лет находилось под строгим запретом. По приказу Грозного был составлен подробный список «убиенных», копии которого были затем разосланы по всем монастырям. Руководствуясь полученным приказным списком («государскими книгами», «государевой царевой грамотой»), монастырские власти внесли имена опальных в свои Синодики. Ни одного подлинника «государских книг» 80-х годов не сохранилось, или, во всяком случае, они не разысканы до настоящего времени. А уцелевшие монастырские выписки лишь отдаленно напоминали приказной список. Монахам не приходило в голову точно скопировать «государские книги», весьма мало пригодные для поминальных целей. В них сплошь и рядом были означены не христианские имена, а прозвища казненных и иногда лишь их общее число. С точки зрения церковных правил помянуть безымянных людей было бессмысленно. Но монахи, боясь цар-

ского гнева, все же молились за них, снабжая молитву ссылками на вездесущего Бога: «Помяни, Господи, 1505 человек, а имена их ты сам, Господи, веши (знаешь)». Чаше всего старцы выписывали в свои поминальные книги имена опальных, опуская при этом фамилии и различные, не относящиеся к делу подробности казней.

Синодик давно привлекал внимание историков, но до С. Б. Веселовского никто не исследовал его в источниковедческом плане. Веселовский первым высказал предположение, что в основе Синодика лежал «приказной список», составленный на основании судных дел и разосланный царем по монастырям. Это наблюдение осталось не более чем догадкой. Веселовский констатировал, что копии Синодика настолько расходятся между собой, что свести их воедино и восстановить «приказной список» не представляется возможным. Отказавшись от поиска особых источниковедческих приемов, историк выстроил список опальных в алфавитном порядке. Препарированный таким способом источник перестал существовать как цельный исторический документ. Его загадка осталась нерешенной. В итоге Веселовский в общей оценке Синодика не пошел далее своих предшественников. «...Мы имеем в дошедших до нас списках Синодика, — писал он, — не хронологический и не полный список казненных, а весьма неполный перечень лиц, погибших за весь период массовых казней, длившийся более 15 лет. Перечень этот был составлен не в порядке событий, а задним числом, наскоро, по разным источникам».

Составление алфавитного списка привело к тому, что предположение о приказном происхождении Синодика было забыто, а работы над этим источником прекращены на несколько десятилетий.

Поставив целью реконструировать Синодик, я принужден был начать работу сначала и очень скоро оказался в тупике. Подлинники, разосланные по обителям, погибли. Сохранившиеся копии были изготовлены после смерти Грозного. При еженедельных поминаниях Синодики очень быстро ветшали и приходили в негодность. Странички Синодиков оказывались

разорванными, многие из них были утеряны. Но главная беда заключалась в ином. В разных монастырях были утеряны разные страницы, а уцелевшие куски были перемешаны самым причудливым образом. Не обращая внимания на путаницу, монахи копировали испорченные списки. Их копии подвергались новым порчам, и в таком виде их снова переписывали. В некоторых монастырях иноки произвольно сокращали текст Синодика или же выделяли имена важных в их глазах опальных (вкладчиков монастыря и пр.), после чего переписывали имена остальных убиенных.

Итак, сопоставление копий дало обескураживающие результаты. Лучшие, наиболее полные списки решительно расходились между собой. Протограф ускользал из рук, едва начинали вырисовываться его контуры. Ключ к реконструкции утраченного оригинала дало наблюдение, связанное с судьбой казненной Матрены и ее детей. Выяснилось, что в разных Синодиках Матрена с чадами фигурирует в окружении одних и тех же лиц, записанных до и после Матрениной семьи. Появилось предположение, что совпадающие куски текста являются осколками оригинала «приказного списка», уцелевшими, несмотря на все утраты листов и их копирование в неверном порядке.

Поиски в архивах позволили обнаружить десяток неизвестных ранее списков Синодика. Подавляющая часть Синодиков относилась к XVII в., но есть Синодики XVIII и XIX вв. Понадобилось время, чтобы выявить сходные отрывки текста в двадцати известных копиях поминальных книг, каждая из которых заключала несколько тысяч имен.

Самым трудным и неразрешимым был вопрос: в каком порядке выявленные «осколки» располагались в затерянном оригинале? Найти решение помог единственный список Синодика, восходивший ко времени Ивана Грозного. Он был составлен в стенах нижегородского Печерского монастыря. Власти обители завели поминальную книгу в 1552 г. и продолжали пополнять ее до смерти Ивана IV. На последних листах книги были записаны имена опальных.

Исследователи обращались к нижегородскому печерскому списку. Но никто из них даже не подозревал, какое сокровище попало им в руки. Иначе и быть не могло. Использовать печерский список не было ни малейшей возможности. Для поминания усопшего достаточно было назвать его имя. Такой порядок сложился в Древней Руси, когда люди не носили фамилий. Следуя церковным правилам, печерские монахи выписали из полученной ими «грамоты царицы» одни имена казненных людей, опустив прочие подробности. Составленная ими поминальная книга поражает скудостью своего содержания. Это однообразный перечень имен «ведомых Богу людей»: «Помяни, Господи, Ивана, Петра, Анну, Семена» и так далее. Дело усугубляется тем, что более половины опальных носили имя Иван, и в некоторых местах поминали двух или трех Иванов сразу. Понятно, почему исследователи пренебрегли ценнейшим текстом.

Печерский список оказался бесценным сокровищем. Он полностью подтвердил результаты предшествующей источниковедческой работы: выявленные по всем другим спискам тождественные отрывки текста строго соответствовали печерскому тексту. Последний стал своего рода канвой, позволившей восстановить рисунок.

Появилась возможность придать первоначальный порядок осколкам разбитой и перемешанной мозаики. В тех случаях, когда приходилось иметь дело с простой перестановкой страниц, выявление ошибки требовало лишь времени и внимания. Прочитать некоторые «зашифрованные» Синодики было значительно труднее.

Среди всех монастырских списков наибольшие отличия характерны для трех списков московского Богоявленского монастыря. Порядок имен в них был совсем иным, чем в Печерском и других синодиках. Пройти мимо Богоявленских синодиков было невозможно: по числу раскрытых фамилий опальных они далеко превосходят все остальные списки. Использование этих уникальных Синодиков стало возможным лишь после того, как удалось разгадать метод копирования,

употребленный богоявленским монахом-переписчиком. Спisyвая текст, монах разбил его на отрывки (возможно, они соответствовали отдельным страницам Синодика). Из каждого отрывка он выписывал имена опальных выборочно, затем возвращался к началу отрывка и копировал все оставшиеся имена. Схематически конструкцию богоявленских списков можно изобразить следующим образом:

Печерский список

А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, З, И, К, Л, М

Богоявленский список

1) А, Б, Д, Ж, З, К,

2) В, Г, Е, И, Л, М

Порядок имен внутри каждого отрывка сохранялся, но в «разрезанном» виде. При новых копированиях в XVII–XVIII вв. некоторые листы попали не на место, что усугубило путаницу имен. Однако, поскольку шифр был раскрыт, текст Богоявленских синодиков удалось «проявить».

Понадобились годы, прежде чем многие тысячи опальных нашли каждый свое место на страницах толстых конторских книг. Реконструированные тексты монастырских списков были записаны отдельными столбцами, один подле другого. Сличение списков позволило заключить, что в основе всех текстов лежала одна и та же «государева грамота». Монастырские списки пестрели ошибками, но поскольку переписчики ошибались каждый по-своему, оказалось возможным исправить их. Так был восстановлен первоначальный «приказной список» опальных Ивана Грозного.

Уже после того, как реконструкция текста Синодика была завершена, в архивах Финляндии нашли Синодик Валаамского монастыря начала XVII в. По-видимому, его скопировали с дефектного списка, в котором были утрачены крупные фрагменты текста. Синодик дает одни имена. Исключены все безымянные поминания и поминания лиц с прозвищами, без молитвенных имен, а равно все подробности казней. Невзирая на утраты и мелкие искажения, Валаамский синодик в уцелевших отрывках воспроизводит имена «убиенных» в том же по-

рядке, что и Синодик нижегородского Печерского монастыря. Таким образом, вновь открытый Синодик подтверждает истинность реконструкции.

На втором этапе работы источник преподнес исследователю новые сюрпризы. Задача заключалась в том, чтобы на основании всех архивных и прочих документов установить, когда погибли лица, внесенные в Синодик. Удивлению моему не было предела, когда все очевиднее стало то, что опальные записаны на страницах «приказного списка» в четкой хронологической последовательности. На первых страницах фигурируют лица, погибшие в конце 1567 г., далее — в марте 1568 г., 6 июля и 11 сентября того же года, ниже — в январе, апреле и октябре 1569 г., в январе 1570 г. и т.д.

Кому и зачем понадобилось выстраивать «убиенных» в хронологической последовательности? История составления Синодика позволяет ответить на недоуменный вопрос.

Грозный поручил составление поминальной книги своим дьякам, открыв перед ними дверь секретных опричных архивов. Дьяки, боясь в чем-нибудь отступить от строгого приказа, выписывали подряд имена казненных из подлинных судебных документов и отчетов опричников, сохраняя их терминологию, а нередко также и подробности о месте и обстоятельствах расправ. Порядок и полнота составленных таким способом списков определялись сохранностью опричных материалов и последовательностью их обработки дьяками, которые, переходя от документа к документу, писали опальных в том порядке, в каком их упоминали судебные дела. Реконструкция Синодика позволила установить, что его составители добросовестно проштудировали материалы главного политического процесса периода террора — дела о заговоре Владимира Андреевича. Этот процесс тянулся три года (1567–1570), и на основании его был составлен почти весь Синодик — более 9/10 его объема. По делу Старицкого опричники казнили примерно 3200 человек из общего числа (3300) записанных в Синодике лиц.

Дьяки старательно закоспектировали «дело» конюшего Федорова. Их выписки располагались в строго хронологиче-

ском порядке. Затем они перешли к самому объемистому из судных дел — делу князя Владимира и новгородским документам. В этом разделе допущен ряд отступлений от хронологического принципа. По-видимому, дьяков торопили, и они стали работать в четыре руки. В результате их выписки из документов о казни Старицких и о новгородском походе попали в сводном тексте Синодика не на место. Поскольку порядок имен внутри выписок не изменен, определение их места в Синодике не вызывает больших затруднений. Работа над вторым списком жертв новгородского похода и его продолжением — псковским списком, а также над более поздним по времени московским материалом велась в прежнем порядке, без всякого отступления от хронологии.

Материалы, относящиеся к делу Старицкого (1567–1570) и второму «изданию» опричнины (1575), хранились в опричном архиве в должном порядке. Что же касается других документов о казнях, то некоторые из них, как видно, затерялись в архиве, и дьяки не использовали их при составлении «приказного списка». В Синодик не попали сведения о казни князя Андрея Шуйского (1543), Кубенского и Воронцовых (1546), Шишкина (1563), об умерщвлении Никиты Шереметева (1564), Шевырева (1565), князя Рыбина-Пронского (1566), князя Михаила Воротынского (1573). Пропуски Синодика носят закономерный характер: если в «приказном списке» пропущен некий судебный процесс, то в списке опальных пропущены все связанные с этим делом лица. Исключение составляют записи, относящиеся к 1565 и 1571–1572 гг.

В целом пропуски Синодика незначительны. Вопреки заключению С.Б. Веселовского «приказной список» отличался большой полнотой. Приказные люди, «законспектировавшие» опричные судные дела, и не подозревали, что после гибели опричных архивов их конспекты послужат бесценным материалом для историков.

В некоторых списках Синодика подробному тексту предпослан краткий перечень опальных, насчитывающий 75 имен самых знатных из «убиенных». Краткий список был разослан

по монастырям в 7090 (1582) г., подробный — в 7091 (1582–1583) г. Сличение текстов обнаруживает, что краткий Синодик был экстрактом «приказного списка», с небольшими отступлениями от последнего. По непонятным причинам составители краткого Синодика пропустили имена нескольких бояр (Басманова и Яковлевых), а в конце приписали двух бояр, отсутствующих в «приказном списке».

Опричный архив исчез. Он сгорел, был уничтожен или сгнил в подземных тайниках. Казалось бы, никакая сила не может его восстановить. Однако новейшие методы источниковедения позволили решить задачу. Реконструированный Синодик — своего рода конспект утраченного опричного архива. Деяния опричнины описаны в этой кровавой летописи беспристрастно и точно, день за днем, месяц за месяцем. Документ дает ключ к эпохе массового террора в России.

Многолетние споры о целях и результатах опричного террора близятся к концу.

...Царь был озабочен тем, чтобы оправдать бесславное окончание похода в Ливонию в конце 1567 г. Причиной отмены похода было выставлено расстройство посошной службы. Податное население — «сохи» выставляли людей, которые служили в обозе армии и волокли пушки. Ведал посошными людьми дьяк Казарин Дубровский, известный взяточник. Он не обеспечил своевременной доставки пушек на границу.

Царь велел подобрать жалобы на дьяка. Дубровский был уличен в злоупотреблениях и казнен. В царском Синодике опальных ему посвящена такая запись: «Казарина Дубровской, да 2 сына его, да 10 человек, которые приходили на пособь». Вслед за тем Грозный взялся за дворян, скомпрометированных доносом Старицкого. Опричники казнили двоюродного дядю князя Владимира Андреевича и некоторых других лиц. Как видно, дядя неосторожно намекал племяннику на возможность перехода власти в его руки.

Начавшиеся казни вызвали резкий протест со стороны высшего духовенства. Митрополит Филипп посетил царя и долго беседовал с ним наедине. Убедившись в тщетности увещева-

ний, он выждал момент, когда царь со всей своей свитой явился на богослужение в кремлевский Успенский собор, и при большом стечении народа произнес проповедь о необходимости упразднить опричнину. Кремлевский диспут кратко и точно описан новгородским летописцем: 22 марта 1568 г. «учал митрополит Филипп с государем на Москве враждовати о опришнины». Диспут нарушил благочиние церковной службы и имел неблагоприятный для Грозного исход. Не получив от митрополита благословения, царь в ярости стукнул посохом оземь и пригрозил митрополиту, а заодно и всей земле суровыми карами. «Я был слишком мягок к вам, но теперь вы у меня вззоете!» — будто бы произнес он. На другой день о столкновении царя с митрополитом говорила вся столица. Церковь пользовалась большим авторитетом как среди власть имущих, так и в беспокойных низах. Народ не оставался безучастным свидетелем происходившего.

Речи митрополита наиболее подробно изложены в «Житии митрополита Филиппа» и в «Записках» Таубе и Крузе, написанных на 20–30 лет раньше «Жития». Сопоставление этих источников не оставляет сомнений в их достоверности. По существу, митрополит обратился к монарху с теми же требованиями, что и земские бояре после собора 1566 г. Он просил прекратить кровопролитие и упразднить опричнину, «твоя бо есть едина держава». Филипп молил государя, но также грозил ему Страшным Судом: «Мы приносим жертву Господеву чисту и безкровну, за тебя, государя, Бога молим, а за олтарем неповинна кровь лиется христианская и напрасно умирают»; ты, государь, благочестив, но почему «неправедная дела твориши»; «суд сотвори праведен и истин, а оклеветающая сыщи и обличи»; «О царю, свете, сиречь православия вседержавный наш государь, умилися, разори, государь, многолетное свое к миру негодование, призри милостивно, помилуй нас, своих безответных овец»; «Аще, государь, не велиши престати от сея крови и обиды, взыщет сего Господь от руки твоее».

Протест Филиппа был симптомом окончательного падения престижа царя в земщине. Приспешники Грозного насто-

ательно убеждали его пустить в ход насилие, поскольку в обстановке острого внутреннего кризиса всякое проявление слабости могло иметь катастрофические для властей последствия.

Филипп нарушил клятву «не вступаться в опричнину» и должен был понести наказание. Опричники схватили митрополичьих бояр и забили их насмерть железными палицами, вода по улицам Москвы.

В Синодике убиенных записаны митрополичьи старцы Леонтий Русинов, Никита Опухтин и др. Рядом с ними на страницах Синодика фигурируют ближние люди и слуги конюшего Челяднина. Раздор с митрополитом побудил царя отдать давно подготовленный приказ о расправе с «заговорщиками».

В соответствии с официальной версией конюший Федоров-Челяднин готовился произвести переворот с помощью своих многочисленных слуг и подданных, будто бы посвященных в планы заговора. Не мудрено, что опричники подвергли вооруженную свиту конюшего и его челядь беспощадному истреблению. Царские телохранители совершили несколько карательных походов во владения Челяднина. Записи Синодика позволяют восстановить картину первых опричных погромов во всех деталях. Ближние вотчины конюшего разгромил Малюта Скуратов. Заслуги палача были оценены должным образом, и с этого момента началось его быстрое возвышение в опричнине. После разгрома ближних вотчин настала очередь дальних владений. Челяднин был одним из богатейших людей своего времени. Ему принадлежали обширные земли в Бежецком Верху, неподалеку от Твери. Туда царь явился собственной персоной со всей опричной силой. При разгроме боярского двора «кромешники» посекали боярских слуг саблями, а прочую челядь и домочадцев согнали в сарай и взорвали на воздух порохом. Об этих казнях повествует следующая документальная запись Синодика: «В Бежецком Верху отделано Ивановых людей 65 человек да 12 человек скончавшихся ручным усечением».

Погром не прекращался в течение нескольких месяцев — с марта по июль. Летом опричники подвели своеобразный итог

своей деятельности со времени раскрытия «заговора». «Отделано 369 человек и всего отделано июля по 6-е число» (1568), — читаем в Синодике. Примерно 300 человек из указанных в «отчете» были боярскими слугами и холопами. Они погибли при разгроме вотчин.

Кровопролитие обострило конфликт между царем и церковью. Следуя примеру митрополита Афанасия, Филипп в знак протеста против действий царя покинул свою резиденцию в Кремле и демонстративно переселился в один из столичных монастырей. Однако в отличие от своего безвольного предшественника Колычев отказался сложить сан митрополита.

Открытый раздор с главой церкви ставил Грозного в исключительно трудное положение. Он вынужден был удалиться в Слободу и заняться там подготовкой суда над Филиппом. Опричные власти поспешили вызвать из Новгорода преданного царю архиепископа Пимена, а затем направили в Соловки особую следственную комиссию, состоявшую из опричников и духовных лиц. Комиссия произвела розыск о жизни Филиппа в Соловецком монастыре и с помощью угроз и подкупа принудила нескольких монахов выступить с показаниями, порочившими их бывшего игумена. Состряпанное комиссией обвинение оказалось все же столь сомнительным, что самый авторитетный член комиссии епископ Пафнутий отказался подписать его. Противодействие епископа грозило сорвать суд над Филиппом. Исход дела должно было определить теперь обсуждение в Боярской думе, многие члены которой сочувствовали Колычеву.

Конфликт достиг критической фазы. В такой обстановке Грозный решил нанести думе упреждающий удар. 11 сентября 1568 г. Москва стала свидетелем казней, зафиксированных Синодиком: «Отделано: Ивана Петровича Федорова; на Москве отделаны Михаил Колычев да три сына его; по городам — князя Андрея Катырева, князя Федора Троекурова, Михаила Лыкова с племянником». Отмеченные Синодиком репрессии против членов Боярской думы по своему размаху немногим уступали первым опричным казням. На эшафот

разом взошли старший боярин думы И.П. Челяднин-Федоров, окольничие М.И. Колычев и М.М. Лыков, боярин князь А.И. Катырев-Ростовский.

Согласно официальной версии, с которой Шлихтинг ознакомился в опричнине, у конюшего Федорова было 30 сообщников. В кратком Синодике опальных находим ровно 30 знатных лиц и видных дьяков, казненных в промежуток времени между началом розыска по делу Федорова и убийством главы «заговора». Совпадение цифр подтверждает осведомленность Шлихтинга.

При разгроме «заговора» Челяднина пролилось значительно больше крови, чем в первые месяцы опричнины. На основании записей Синодика можно установить, что с конюшим погибло до 150 дворян и приказных людей и вдвое большее число их слуг и холопов.

Как правило, следствие проводилось в строгой тайне и смертные приговоры выносились заочно. Осужденных убивали дома или на улице, на трупе оставляли краткую записку. Таким способом преступления «заговорщиков» доводились до всеобщего сведения.

Репрессии носили в целом беспорядочный характер. Хватали без разбора друзей и знакомых Челяднина, уцелевших сторонников Адашева, родню находившихся в эмиграции дворян и т.д. Побивали всех, кто осмеливался протестовать против опричнины. Недовольных было более чем достаточно, и они вовсе не хотели молчать. Записанный в Синодик дворянин Митнев, будучи на пиру во дворце, бросил в лицо царю дерзкий упрек: «Царь, воистину яко сам пиешь, так и нас принуждаешь, окаянный, мед, с кровию смешанный братии наших... пити!» Тут же во дворце он был убит опричниками. Вяземский дворянин Митнев имел основания протестовать против произвола опричнины. Он был выслан из своего уезда в начале опричнины и лишился земельных владений.

Невозможно поверить тому, что все казненные были участниками единого заговора. Подлинные сторонники Старицкого, названные в летописных приписках, уже покинули поли-

тическую сцену. Что же касается Челяднина, то он в 1553 г. выступал противником князя Владимира. Окольничий Михаил Колычев также доказал свою лояльность в деле Старицких. Недаром он был послан в Горицкий монастырь для надзора за Евфросиньей тотчас после ее пострижения.

Обвинения насчет связей с «крамольным» князем Владимиром служили не более чем предлогом для расправы с влиятельными боярами, способными оказать реальное сопротивление опричной политике. Попытки открыли перед властями путь к подтверждению вымышленных обвинений. Арестованных заставляли называть имена «сообщников». Оговоренных людей казнили без суда. Исключение было сделано только для конюшего Ивана Федорова и Михаила Колычева. Но их судили ускоренным судом. Царь собрал в парадных покоях Большого Кремлевского дворца членов думы и столичное дворянство и велел привести осужденных. Конюшему он приказал облечься в царские одежды и сесть на трон. Преклонив колена, Грозный напутствовал несчастного иронической речью: «Ты хотел занять мое место, и вот ныне ты, великий князь, наслаждайся владычеством, которого жаждал!»

Шлихтинг, Таубе и Крузе одинаково свидетельствуют, что экзекуцию начал сам царь, ударивший боярина ножом. По приказу самодержца земские и опричники, присутствовавшие в зале, стали наносить новые удары по телу, даже когда он перестал подавать признаки жизни. Впервые царь своей рукой покарал «изменника» и, более того, принудил придворных участвовать в публичной расправе.

Труп убитого протащили за ноги по всему Кремлю на площадь и бросили на всеобщее поругание в навозную яму на берегу Неглинной.

Главным сообщником Федорова был назван окольничий Михаил Колычев, разделивший его участь. Вместе с ним были убиты трое его сыновей.

Фарс, устроенный в Кремле, и вымыслы по поводу того, что конюший домогался короны, показали, что опричному правительству не удалось доказать выдвинутые против него обвинения.

Синодик опальных позволяет впервые точно установить круг лиц, казненных по делу о заговоре конюшего Федорова. В числе их были Василий Колычев, Игнатий Заболоцкий, земский казначей Хозяин Тютин, видные земские дьяки Иван Выродков, Иван Бухарин, Казарин Дубровский, стрелецкий голова Никита Казаринов. Царь постарался использовать дело о заговоре Федорова, чтобы возобновить репрессии против бывших казанских ссыльнопоселенцев. Головы лишились окольничий Михаил Лыков с племянником. Лыков был воеводой в Казани, откуда его перевели в Нарву. Были убиты знатный воевода Андрей Шеин-Морозов с сыном Григорием, Алексей Шеин, дворяне Заболоцкие.

В связи с делом о заговоре Федорова погибли Василий Борисов-Бороздин (двоюродный дядя князя Владимира Старицкого, побывавший в казанской ссылке), Иван Колычев и Федор Образцов, ранее служившие в уделе князя Владимира.

Репрессии 1568 г. затронули титулованную знать. Но главный удар опричнина обрушила на старомосковское боярство, которому царь после учреждения опричнины вверил управление земщиной.

Гибель Челяднина решила судьбу Филиппа. Вернувшись с Соловков следственная комиссия представила боярам материалы о порочной жизни митрополита. Оппозиция в думе была обезглавлена, и никто не осмелился высказать вслух своих сомнений. Послушная воле царя, земская Боярская дума вынесла решение о суде над главою церкви. Чтобы запугать Филиппа, царь послал ему в монастырь зашитую в кожаный мешок голову окольничего М.И. Колычева, его троюродного брата. Филиппа судили в присутствии Боярской думы и высшего духовенства. На соборном суде главным свидетелем обвинения выступил соловецкий игумен Паисий, бывший ученик Филиппа, которому за предательство обещали епископский сан. Филипп отверг все обвинения и попытался прекратить судебное разбирательство, объявив о том, что слагает с себя сан по своей воле. Но царь отказался признать отречение Колычева. Он

не забыл пережитого унижения и желал скомпрометировать опального главу церкви в глазах народа.

Филипп принужден был служить службу после того, как соборный суд вынес ему приговор. В середине службы в Успенский собор ворвались опричники. При общем замешательстве Басманов огласил соборный приговор, порочивший митрополита. С Колычева содрали клобук, набросили разодранное монашеское одеяние. Святителя изгнали «из церкви яко злодея и посадиша на дровни, везуще вне града (из Кремля) ругающе... и метлами биюще». Описанный эпизод дает представление о том, какую роль играл символ опричнины — метла. Битье метлой означало царскую опалу.

Признанный виновным в «скаредных делах», Колычев по церковным законам подлежал сожжению. Но Грозный заменил казнь вечным заточением в монастырской тюрьме.

Смолкли голоса недовольных в земщине. На страну опустилась мгла. Не только заговорщиков, но и всех заподозренных в сочувствии им постигла суровая кара. Вожди опричнины торжествовали победу. Но ближайшие события показали, что их торжество было преждевременным. Прошел год, и усилившийся террор поглотил не только противников опричнины, но и тех, кто стоял у ее колыбели.